

ЗОЛОТОЕ ДНО

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

I

Тишина - и запустение. Не оскудение, а запустение...

Не спеша бегут лошади среди зеленых холмистых полей; ласково веет навстречу ветер, и убаюкивающе звенят трели жаворонков, сливаясь с однообразным топотом копыт. Вот с одного из косогоров еще раз показалась далеко на горизонте низким синеющим силуэтом станция. Но, обернувшись через минуту, я уже не вижу ее. Теперь вокруг тарантаса - только пары, хлеба и лощинки с дубовым кустарником...

- Ну, что новенького, Корней? - спрашиваю я кучера, молодого загорелого мужика с умными, слегка прищуренными глазами.

- Новенького? - сдержанно отвечает Корней, не оборачиваясь. - Нового у вас ничего нету.

- Значит, живете по-старому?

- Это правильно. Плохо живем...

Не много нового узнаю я и в имении сестры, где я всегда делаю остановку на пути к Родникам. Кажется, что еще год тому назад усадьба не была так ветха. Полы и потолки в зале еще немного покосились и потемнели, ветви запущенного палисадника лезут в окна, тесовые крыши служб серебрятся и дают кое-где трещины... А по двору, держа в поводу худого стригуна, запряженного в водовозку, еле бредет полуслепой и глухой Антипушка, и разошедшиеся колеса водовозки порою так неистово взвизгивают, что больно слушать.

- Так плохи, говоришь, дела? - спрашиваю я сестру, которая задумчиво смотрит куда-то вдаль, на косогоры за лугами и речкой.

- Совсем, совсем плохи! - поспешно, как будто даже с удовольствием подтверждает сестра. - Будь капитал, еще, может быть, можно было бы поправиться. Ведь земля-то сущее золотое дно. Но банк, банк!

- Зато тишина-то какая! - говорю я.

- Уж этого хоть отбавляй! - с угрюмой иронией соглашается племянник-студент. - Действительно тишина и прескверная, черт ее дери, тишина! Вроде: высыхающего пруда. - Издали - хоть картину пиши. А подойди - затхлостью понесет, ибо воды-то в нем на вершок, а тины - на две сажени, и караси все подохли... Дно-то, действительно, золотое, только до него сам черт не докопается!

II

Дорога вьется сперва по перелескам. Потом пропадает в большом кологривовском заказе. В прежнее время она далеко обходила его; теперь ездит прямо, по двору усадьбы, раскинувшейся по бокам лесного оврага своим одичавшим садом и кирпичными службами. Как только в лес врывается гроыхание бубенчиков, из усадьбы отвечает ему угрюмый лай овчарок, ведущих свой род от тех свирепых псов, что сторожили когда-то не менее свирепую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантас, сопровождаемый лаем, с грохотом катится по мостикам через овраги, смотрю на груды кирпичей, оставшихся от сгоревшего дома и потонувших в бурьяне, и думаю о том, что сделал бы старик Кологривов, если бы увидел нахалов, скачущих по двору его усадьбы! В детстве я слышал про него поистине ужасы. Одна из любовниц пыталась опоить его какими-то колдовскими травами, - он заточил ее своим судом в монастырь. Когда объявили волю, он "тронулся", как говорили, "в отделку" и с тех пор почти никогда не показывался из дому. Медленно разоряясь, он по ночам, дрожа от страха, что его убьют, сидел в шапочке с мощей угодника и громко читал заговоры, псалмы и покаянные молитвы собственного сочинения. Осенью однажды его нашли в молельной мертвым...

- Не знаешь, не продали еще? - спрашиваю я у Корнея.